

УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622
В35

Alexander Werth
RUSSIA AT WAR 1941—1945
London. Barrie & Rockliff. 1964

Верт, Александр.

В35 Россия в войне, 1941—1945. Великая Отечественная глазами британского журналиста / Александр Верт ; [перевод с английского Е. А. Болтина]. — Москва : Родина, 2023. — 736 с.

ISBN 978-5-00180-913-5

Одна из самых известных в мире книг о Великой Отечественной войне. Впервые вышла в Англии в 1964 г., затем в США, Франции, ФРГ и других странах. По общему мнению, она «открыла глаза» западным читателям на подлинные события, происходившие на Восточном фронте и в России.

Корреспондент британской газеты «Санди таймс» и радиокompании BBC (Би-би-си) Александр Верт (1901—1969) хорошо знал русский язык и находился в СССР с июля 1941 по 1946 год, а потом по собственным впечатлениям, документам и другим первоисточникам написал эту, по его словам, «человеческую историю». «Я делал все, что было в моих силах, чтобы рассказать Западу о военных усилиях советского народа», — отмечал Верт. Автор честно и открыто с портретами, зарисовками, бытовыми подробностями рассказывает о Великой Отечественной войне. Он не был сторонним наблюдателем, он переживал — за нашу страну и живущих в ней людей...

УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00180-913-5

© Верт А., 2023
© Болтин Е. А., пер. с англ., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию..... 8

Часть первая. Прелюдия войны 18

Глава I. Гитлер у власти. Мюнхенский сговор18

Глава II. После Мюнхена. Германия наносит удар на запад ... 34

Глава III. Советский Союз в последние дни мира.....54

Часть вторая. От начала вторжения до битвы под Москвой ... 66

Глава I. Неподготовленность СССР к войне в июне 1941 г ...66

Глава II. Вторжение76

Глава III. Призыв к всенародной войне86

Глава IV. Смоленск: первая неудача нацистской
Германии в ходе «молниеносной войны»93

Глава V. Москва в начале войны.....98

Глава VI. Осенняя поездка на смоленский фронт108

Глава VII. Наступление на Ленинград115

Глава VIII. Бои на Украине118

Глава IX. Эвакуация промышленности124

Глава X. Начало битвы под Москвой134

Глава XI. Второй этап битвы под Москвой146

Глава XII. Контрнаступление под Москвой.....159

Глава XIII. Дипломатическая сцена в первые месяцы
вторжения170

Часть третья. Ленинградская эпопея

Глава I. Враг наступает.....188

Глава II. Ленинград в осаде.....196

Глава III. «Ладожская дорога жизни»203

Глава IV. Великий голод206

Глава V. Ледовый путь.....211

Глава VI. Ленинград: личные впечатления217

Глава VII. Почему Ленинград выстоял234

Глава VIII. Немного о Финляндии.....237

Часть четвертая. Трудное лето 1942 г.	241
Глава I. Москва, июнь 1942 г.	241
Глава II. Англо-советский союз	250
Глава III. Падение Керчи, Харькова и Севастополя	257
Глава IV. Новое немецкое наступление	267
Глава V. Призыв «Отечество в опасности!»	273
Часть пятая. Сталинград	288
Глава I. Сталинград. Рассказ Чуйкова.	288
Глава II. «Сталинградские» месяцы в Москве. Визит Черчилля и последующие события	309
Глава III. Окружение немцев под Сталинградом	326
Глава IV. Сталинград: личные впечатления.	339
Глава V. Сталинград. Агония.	357
Глава VI. Сталинград в дни капитуляции немцев: личные впечатления	365
Глава VII. «Кавказ — туда и обратно»	382
Часть шестая. 1943-й — Год трудных побед	394
Глава I. После Сталинграда.	394
Глава II. Немцы на Украине Харьков в период оккупации. .	403
Глава III. Успехи советской военной экономики. Весеннее затишье 1943 г.	417
Глава IV. Польская проблема.	429
Глава V. Политические события весны 1943 г.	451
Глава VI. Курская битва	459
Глава VII. Орел в период немецкой оккупации: личные впечатления	466
Глава VIII. Преступления немцев в Советском Союзе.	475
Глава IX. Партизаны в советско-германской войне.	483
Глава X. Некоторые вопросы международных отношений и внешней политики СССР в 1943 г.	497
Глава XI. Дух Тегерана.	509
Часть седьмая. 1944-й — Год решающих сражений	519
Глава I. Некоторые характерные черты 1944 г.	519
Глава II. На Украине: личные впечатления.	528

Глава III.	Одесса: личные впечатления	559
Глава IV.	Крымская катастрофа Гитлера: личные впечатления	569
Глава V.	Политические события весны 1944 г. СССР и высадка союзников в Нормандии	579
Глава VI.	Разгром гитлеровцев в Белоруссии. «Хуже, чем Сталинград»	590
Глава VII.	Что произошло в Варшаве?	597
Глава VIII.	Люблин. Лагерь смерти Майданек: личные впечатления	612
Глава IX.	Румыния, Финляндия и Болгария выходят из войны	627
Глава X.	Второй визит Черчилля в Москву.	636
Глава XI.	Генерал де Голль в Москве	640
Глава XII.	Некоторые новые проблемы, возникшие в конце войны	649
Часть восьмая. Победа		658
Глава I.	В Германию.	658
Глава II.	Ялта и после нее	671
Глава III.	Берлин в июне 1945 г.	680
Глава IV.	Три месяца мира. Потсдам	691
Глава V.	Короткая советско-японская война. Хиросима	708
Примечания		722

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Всю Великую Отечественную войну советского народа я провел в Советской стране, поэтому, когда мне исполнилось шестьдесят лет, я острее, чем когда-либо, почувствовал, что должен написать эту книгу — прежде всего как долг и выражение признательности советскому народу. Именно советский народ вынес на себе основную тяжесть Второй мировой войны; именно он потерял в ней 20 миллионов людей. Надо напомнить об этом Западу — ведь у многих там память коротка. К их числу относится, например, президент США Джонсон: в своей речи по случаю 20-й годовщины победы союзников над Германией он даже не упомянул о жертвах, которые принес для общей победы Советский Союз. А если говорить только о человеческих жертвах, то Америка потеряла во Второй мировой войне в сорок раз меньше людей, чем Советский Союз.

У его предшественника, Кеннеди, память была лучше. 10 июня 1963 г. он сказал:

«Во всей истории войн еще не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны.

Не меньше двадцати миллионов людей было убито. Многие миллионы домов и крестьянских дворов были сожжены или разграблены. Третья часть (европейской) территории страны, включая почти две трети ее основных промышленных районов, была превращена в пустыню».

Нечего и говорить, что столь тяжкие потери оставили глубокий след в жизни Советского Союза и именно они, нравятся это западным политикам или нет, определяли курс внешней политики Советского правительства после войны. Недоверие советских людей к Германии и к любой стране, которая помогает ей снова стать великой военной державой, остается очень сильным. Ведь в СССР нет, пожалуй, ни одной семьи, которой фашистское нашествие не коснулось бы самым непосредственным и чаще всего самым трагическим образом. Память о 1941–1945 гг. и теперь свежа в каждом советском человеке старшего возраста, а молодому поколению постоянно рассказывают и напевают в книгах, кинофильмах, радио- и телевизионных передачах

о том, что выстрадала страна, и какую борьбу пришлось ей вынести для того, чтобы сначала выстоять, а потом завоевать победу.

Было бы пустым занятием строить сейчас догадки, что произошло бы с СССР, Англией и США в 1941–1945 гг., если бы они не объединились в своей решимости сокрушить нацистскую Германию. Может быть, это и был «странный союз» (а именно так и назвал его в конце войны генерал Джон Р. Дин, возглавлявший военную миссию США в Москве), может быть, после того, как дело было сделано, он и должен был неизбежно распасться, несмотря на официальный договор о двадцатилетнем союзе, который СССР и Англия подписали в 1942 г., и другие благие решения военного времени. Но что бы члены «Общества Джона Берча» и другие политические психопаты ни болтали сегодня насчет того, что мы-де сражались «не на той стороне», мы до сих пор должны говорить: «Слава тебе, Господи, за этот “странный союз”».

В 1940–1941 гг., в течение года, Англия боролась с Гитлером почти без посторонней помощи. И также почти без посторонней помощи воевал и СССР в период с июня 1941 до конца 1942 г. Для каждой из этих стран угроза нацистского завоевания была огромной. Англия выстояла в 1940–1941 гг., Советский Союз выстоял в 1941–1942 гг. Но даже много месяцев спустя после Сталинграда Сталин по-прежнему заявлял, что нацистскую Германию можно разгромить не иначе как общими усилиями Большой тройки.

Еще одна причина, по которой я взялся за эту книгу, заключается в том, что молодое поколение на Западе очень мало знает о тех днях. Французское радио провело опрос среди некоторой части молодежи на тему о Второй мировой войне, и довольно многие ответили, например: «Гитлер? Не знаю, кто это». Когда несколько лет назад я преподавал в одном американском университете, то убедился, что многие студенты-первокурсники имеют лишь очень смутное представление о Гитлере, Сталине и Черчилле. Но имеет ли даже большинство взрослого населения на Западе достаточно ясное представление о том, как, какой ценой была достигнута победа над нацистской Германией? Естественно, что англичане интересуются главным образом военными усилиями Англии, американцы — военными усилиями Соединенных Штатов и интерес этот поддерживается в них множеством выходящих в свет мемуаров английских и американских генералов. Но в целом авторы этих мемуаров склонны затушевывать тот важный факт, что не кто иной, как русские, говоря

словами Черчилля, сказанными в 1944 г., «выпотрошили германскую армию». В силу исторических и географических причин случилось так, что действительно именно Советский Союз вынес самое тяжелое бремя в войне против нацистской Германии и что именно благодаря его борьбе были спасены миллионы жизней англичан и американцев. И во время войны как Америка, так и Англия отчетливо это сознавали. «Англия охвачена волной национальной признательности [к СССР]», — говорил в 1942 г. английский историк Бернард Пэрэ. Аналогичные чувства открыто высказывались и в более официальных кругах. Так, 21 июня 1942 г. Эрнест Бевин заявил:

«Вся помощь, какую мы смогли оказать, невелика, если сравнить ее с титаническими усилиями советского народа. Наши внуки, сидя за своими учебниками истории, будут думать о прошлом, полные восхищения и благодарности перед героизмом великого русского народа».

Теперь я сомневаюсь, что даже дети современников Бевина, не говоря уже о внуках, испытывают подобные чувства. И я надеюсь, что этот мой «учебник истории» напомнит им о некоторых вещах, которые имел в виду Бевин.

Надо добавить, разумеется, что советские люди во время войны прекрасно отдавали себе отчет в том, что члены Большой тройки несут «неравные жертвы». «Малый второй фронт» (высадка в Северной Африке) был открыт только в конце 1942 г., а «большой второй фронт» — лишь летом 1944 г. Эти с примесью холодка чувства, которые народные массы СССР испытывали во время войны по отношению к союзникам, являются одной из тем, к которой я не раз буду возвращаться в своей книге.

Что представляет собой эта книга? Ее ни в коем случае нельзя назвать официальной историей войны. И это тем более не военная история, не история военных операций. Правда, поскольку тема книги — Советский Союз в годы войны, читатель найдет в ней, конечно, ряд глав, посвященных важнейшим военным операциям. Но, рассказывая об этих операциях, я по мере возможности избегал касаться подробностей военных действий, которые могут интересовать только военных специалистов, а старался нарисовать общую картину драматического развития военных событий, концентрируя зачастую внимание лишь на таких деталях, которые оказывали прямое моральное воздействие на войска обеих сторон, например на таких фактах, как огромное превосходство немцев в авиации и в автоматическом оружии в 1941–1942 гг., или превосходство советских войск

в артиллерии и минометах под Сталинградом, или, наконец, появление в Красной Армии со второй половины 1943 г. сотен тысяч американских автомашин. Я старался также рассматривать все важнейшие военные события на советско-германском фронте в их общем значении как для СССР, так и для всей международной обстановки, потому что ход войны очень заметно влиял не только на моральное состояние Советской страны, но и на межсоюзнические отношения. Не случайно, например, мы наблюдали активизацию советской внешней политики после Сталинграда, так же как не случаен и тот факт, что Тегеранская конференция состоялась не до, а после советской победы под Курском, которая с военной точки зрения была настоящим поворотным пунктом в войне — даже в большей степени, чем битва под Сталинградом, которая, по словам немецкого историка Вальтера Герлица, имела скорее характер «политико-психологического поворотного пункта».

Эта книга представляет собой в гораздо меньшей степени историю военных действий, чем человеческую историю, а отчасти также и политическую историю войны. Мне кажется, что одним из главных обстоятельств, которые давали мне основание написать книгу, было то, что я там был. За исключением лишь первых месяцев 1942 г., я находился в Советском Союзе весь период Отечественной войны, и что меня интересовало больше всего, так это поведение, реакция советского народа перед лицом как поражения, так и победы. В страшные дни 1941–1942 гг. и на протяжении следующих двух с половиной лет тяжело и дорого доставшихся побед меня никогда не покидало ощущение, что то была подлинно народная война. Сначала это была война народа, поднявшегося против намного превосходящих сил врага (а в 1941-м, так же как отчасти и в 1942 г., немцы обладали страшной ударной силой), чтобы отстоять свою родину и собственное существование, а потом — война неагрессивного в душе народа, но теперь разъяренного и решившего доказать врагу свое военное превосходство. Сознание того, что это была их собственная война, было в общем одинаково сильно как у гражданского населения, так и у солдат. Несмотря на то что жизненные условия были очень тяжелы в течение всей войны, а в некоторые периоды — поистине ужасны, люди работали так, как никогда прежде им не приходилось работать; работали иной раз до того, что падали и умирали. Несомненно, и в армии, и среди гражданского населения бывали моменты паники и деморализации — я расскажу и об этом. И тем не менее

дух подлинной патриотической преданности и самопожертвования, проявленный советским народом за эти четыре года, имеет мало подобных примеров в человеческой истории, а история осады Ленинграда (и в меньшем масштабе Севастополя) является вообще единственной в своем роде.

На Западе некоторые спрашивали иногда у меня, как Россия могла вести и выиграть эту титаническую народную войну в условиях жесткой власти Сталина. Но народ сражался, и он сражался прежде всего, чтобы защитить «самого себя», то есть свою родину; а у Сталина было достаточно здравого смысла, чтобы с самого начала понять, что это прежде всего война отечественная. В трудные дни 1941 г. он не только прямо провозгласил, что народ сражается в этой войне за Россию и за свои национальные традиции, пробудив тем самым в советских людях чувство национальной гордости и чувство задетого национального самолюбия, но и сумел добиться того, что его признали национальным вождем. Было бы, разумеется, слишком большим упрощением считать (как считают некоторые), что это была «национальная» или даже «националистическая» война, и ничего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою, советскую власть.

Я достаточно жил на свете, чтобы помнить Первую мировую войну: там, с одной стороны, тоже можно было видеть патриотизм солдат, но царский режим, с другой стороны, был и в экономическом, и в организационном отношении совершенно бессилён и не мог одержать победу, хотя тогдашняя германская армия, сражавшаяся на двух огромной протяженности фронтах (в России и во Франции), представляла для России куда меньшую опасность, чем гитлеровские захватчики, бросившие в 1941 г. на Восток всю свою военную мощь и фактически державшие ее там вплоть до 1944 г. Промышленность в России 1914–1917 гг. была не в состоянии снабдить армию всем необходимым, и русские войска несли несравненно более крупные людские потери, чем германские.

Конечно, и Красная Армия в 1941 г. (а иной раз и в 1942 г.) ощущала кое в чем страшные нехватки, но советский строй за период, прошедший с 1928 г., создал мощную промышленную базу для ведения войны, и те две с половиной пятилетки, которые СССР успешно выполнил, позволили ему организовать оборону против чужеземного захватчика. Правда, огромной важности промышленные районы в европейской части Советского Союза в 1941 г. были оккупированы

немцами, но опять-таки советский строй, Советское государство, партия совершили в этих условиях великолепнейший организаторский подвиг, сумев в разгар германского вторжения эвакуировать значительную часть промышленности на Восток. Без мощной промышленной базы на Востоке и без этой эвакуации промышленности СССР потерпел бы поражение. Очень характерно также то, что, хотя Германия и подвластные ей страны производили во время войны больше угля, стали и других важнейших материалов, чем Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучшее использование имеющихся ресурсов, чем это было у немцев¹.

Отношение к советской власти и к Сталину во время войны представляет собой, конечно, лишь одну из многочисленных сторон психологии советского народа, о которых я буду говорить в этой книге. Я старался также установить путем наблюдений, как советский народ относился к немцам и к западным союзникам. Отношение к немцам определялось отчасти непосредственным опытом, отчасти же пропагандистскими установками, которые партия и правительство давали на различных этапах войны. В ходе изложения я расскажу о накапливавшейся в народе ярости против гитлеровцев, о специфически антинемецкой (скорее, чем антифашистской) пропаганде Эренбурга и других (пропаганде, которая сразу прекратилась в апреле 1945 г., когда Красная Армия вела боевые действия на территории Германии) и о том, как гитлеровская оккупация вызвала еще большую ненависть к врагу как у населения оккупированных территорий, так потом и у победоносной Красной Армии, когда она стала освобождать эти территории. И все же в отношении к немцам и к каждому из них в отдельности у советских воинов не было никакой национальной, ни тем более «расовой» ненависти. Даже в Сталинграде, помню, один сержант так отозвался о двух немецких военнопленных, находившихся у него под охраной: «Да ничего, люди как люди...» Вспоминаю также, с каким спокойным достоинством толпы москвичей смотрели в июле 1944 г. на проходивших по улицам города пленных немцев — их было 57 тысяч.

Отношение к западным союзникам также было весьма неодинаковым. Недоверие к Западу было настолько велико, что у советских людей вырвался вздох облегчения в 1941 г., когда стало известно, что Англия не пошла на сговор с Гитлером. Но когда дела на Восточном фронте стали идти все хуже и хуже, скоро начали раздаваться требования об открытии второго фронта, а летом и осенью 1942 г. они

сопровождались бранью по адресу союзников. В большой мере эта ярость подогревалась советской прессой. Хотя и без этого, впрочем, ярость вспыхнула бы. Красная Армия терпела на фронте большие неудачи, а союзники «ничего не делали». К лету 1943 г., особенно с прибытием на фронт крупных поставок по ленд-лизу, настроения заметно изменились, и в советской авиации в особенности западные союзники приобрели явную популярность. На советских летчиков большое впечатление производили, например, массированные налеты на Германию англо-американских бомбардировщиков. Они понимали также, что авиация Англии и США сковывает значительную часть немецкой авиации на Западе. Тем не менее даже в лучшие времена русские очень болезненно реагировали на факт «неравенства жертв».

Я пробыл в СССР все военные годы и почти каждый день записывал в свой дневник обо всем, что видел и слышал. Среди иностранных корреспондентов я, можно сказать, находился в привилегированном положении; я родился в Петербурге и говорю по-русски, как на родном языке. Поэтому я мог свободно и неофициально беседовать с тысячами людей, военных и гражданских. Я находился в особом положении еще и потому, что был не только корреспондентом крупной английской газеты «Санди таймс», но, что самое главное, корреспондентом Би-би-си, которая каждое воскресенье передавала мри «Русские комментарии», собиравшие у приемников рекордное число — 12 или 13 миллионов слушателей в Англии, не считая еще многих миллионов в оккупированной Европе и в других странах; я делал все, что было в моих силах, чтобы рассказывать Западу правду о военных усилиях советского народа².

Я был рад оказывать эту услугу советскому народу, и советские власти ценили мою работу, а потому создавали исключительно хорошие условия, чтобы я мог посещать фронтовые районы, освобожденные территории и встречаться как можно с большим числом людей. Бывало, что организовывались поездки небольшими группами по пять-шесть корреспондентов, в которых, естественно, принимал участие и я, но я часто ездил и один. К числу таких поездок, самых достопамятных для меня, было мое пребывание в Ленинграде во время блокады, поездка в Воронеж сразу после его освобождения, неделя, которую я провел на Украине в марте 1944 г. с войсками 2-го Украинского фронта, которыми командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. Я был на Смоленском фронте в сентябре 1941 г., в районе Сталинграда в январе и в самом Сталинграде в феврале

1943 г., потом в Харькове (дважды в 1943 г.), в Орле (в августе 1943 г.), в Киеве, Одессе и Севастополе после их освобождения в 1944 г., в Румынии и Польше тоже в 1944 г. и, наконец, снова в Польше и в Германии в 1945 г. Я не говорю уже о поездках в тыловые районы — в Тулу, Горький и другие города.

Во время этих поездок я имел возможность встречаться со многими знаменитыми генералами, в том числе с генералом В. Д. Соколовским в Вязьме трагической осенью 1941 г.; с генералами В. И. Чуйковым и Р. Я. Малиновским в районе Сталинграда; с К. К. Рокоссовским в Польше и, наконец, с маршалом Г. К. Жуковым в Берлине.

И потом — жить в Москве все эти военные годы было тоже исключительно интересно. Как на фронте, так и в Москве я пользовался каждой возможностью, чтобы поговорить с людьми. Так, разговаривая с солдатами, рабочими, интеллигентами и другими, я мог видеть, как менялись настроения в народе от некоторой растерянности 1941–1942 гг. к оптимизму и ликованию 1943 г. и дальше, несмотря на многочисленные личные потери, лишения и огромные трудности, которые испытывало большинство населения. В Москве я познакомился со многими представителями советской интеллигенции — с писателями К. М. Симоновым, А. А. Сурковым, И. Г. Эренбургом, М. А. Шолоховым, А. А. Фадеевым, Б. Л. Пастернаком; композиторами С. С. Прокофьевым и Д. Д. Шостаковичем; знаменитыми кинорежиссерами В. И. Пудовкиным, С. М. Эйзенштейном и А. П. Довженко и многими другими... Естественно, во время войны я имел также возможность встречаться с высшими руководителями партии и правительства, а в сентябре 1946 г. состоялось мое известное интервью со Сталиным.

Все эти контакты позволяли мне составлять широкую картину советского общественного мнения — в Москве, на фронте, в только что освобожденных районах, — и я думаю, мне не нужно извиняться за то, что я уделил такую большую часть этой книги моим личным наблюдениям за жизнью и настроениями в Советском Союзе в годы войны.

Приступая к написанию этого рассказа о Советском Союзе в годы войны, было бы, однако, совершенно недостаточно полагаться только на мои личные наблюдения, как бы богаты они ни были, и на материалы прессы этого времени. В первые месяцы германского нашествия можно было догадываться об очень многих вещах, но дать точное объяснение, почему через два месяца немцы были уже на подступах к Ленинграду, а за три с половиной месяца дошли до окрестностей Москвы, было практически невозможно. В эти месяцы, когда, по вы-

ражению Пастернака, «осень шагом испытаний шла», я разделяя это общее оцепенение и растерянность, охватившие советский народ. Много было такого, что оставалось неясным во время войны, но немало таких темных мест было освещено потом, в огромном количестве книг, которые вышли в Советском Союзе, особенно после XX съезда партии. Всю доступную мне литературу я внимательно изучил, и она мне во многом помогла. В первую очередь я должен назвать шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза». Первый том этого издания лучше всякого другого источника объясняет, например, многие военные, экономические, политические и психологические причины неподготовленности Красной Армии к отражению германского нападения 22 июня 1941 г. Я широко использовал также ряд прекрасно написанных личных воспоминаний некоторых советских военачальников, таких, как А. И. Еременко, И. В. Болдина, И. И. Федюнинского и других, давших описание трагических первых дней войны. Огромное количество фактического материала как о начальном периоде войны, так и о ее последующих этапах я почерпнул из сотен других книг, которые прочел, в частности из многих книг о партизанах и о советском подполье в оккупированных районах. Или возьмем Ленинград, эту беспримерную эпопею города, в котором почти третья часть трехмиллионного населения умерла от голода, но который не сдался врагу. В своей книге «Ленинград» («Leningrad», London, 1944) я дал по-человечески правдивый, полный и точный отчет о том, что происходило там во время голода. Но тогда я, конечно, не мог располагать точными статистическими данными, скажем, о количестве продовольствия, которое имелось в городе к началу германской блокады, или о его количествах, доставленных в разные периоды в город по льду Ладожского озера. Сейчас точные сведения об этом можно найти в таких исключительно ценных работах, как книги Д. В. Павлова и А. В. Карасева о блокаде Ленинграда. С какой бы меркой к ним ни подходить, это первоклассные исторические документы. Использовал я и еще десятки книг, посвященных другим важным эпизодам войны — трудному лету 1942 г., севастопольской трагедии, Сталинградской битве, партизанским операциям в различные периоды войны, освобождению Польши, битве за Берлин и др. Большую познавательную ценность имеют также некоторые недавно опубликованные романы. «Живые и мертвые» Симонова — это фактически лучший, хотя и запоздавший, репортаж о трагических первых месяцах войны из всех, какие были написаны.

Я довольно подробно касаюсь также дипломатической истории войны, так как некоторые эпизоды ее я имел возможность наблюдать непосредственно. Мои частые беседы со Стаффордом Криппсом в 1941 г. и с Кларком Керром в более поздний период войны очень мнегодились для уяснения англо-советских отношений. Встречался я во время войны и со многими американскими дипломатами, а из французов самыми ценными для меня собеседниками были Роже Гарро, представитель генерала де Голля в Москве, и генерал Э. Пети, французский военный атташе, оба искренние друзья Советского Союза. Вообще же, как увидит читатель, отношение дипломатов к Советскому Союзу было самое различное. Даже в американском посольстве были люди, которые симпатизировали Советскому Союзу (генерал Филипп Фэймонвил, например) и всегда, даже в самые трудные моменты, верили в конечную победу Красной Армии, но были и «пессимисты», только и занимавшиеся предсказанием всяких «катастроф». Так, один американский военный «эксперт» (генерал Микела) расценил окружение 6-й германской армии под Сталинградом как... «гениальный стратегический ход» немцев!

Эта книга уже вышла во многих странах и на многих языках. Впервые опубликованная в Англии и США в конце 1964 г., она потом была издана во Франции, в Западной Германии, Японии, Италии, Голландии, Мексике, Бразилии и других странах. Всюду она встретила горячий прием у читателей. Только в Западной Германии комментарии были кисло-сладкие, а некоторые неонацисты пришли в настоящую ярость от того, что я якобы возвел «клевету» и «ложь» на вермахт.

Но я особенно счастлив тем, что моя книга — горячая и искренняя дань признательности героическому советскому народу теперь будет опубликована в Советском Союзе. Хочу также поблагодарить генерал-майора Е. А. Болтина, с которым я впервые познакомился еще в страшное лето 1941 г., за долгие часы труда, которые он посвятил редактированию и подготовке к печати русского издания книги...

*Александр Верт
Париж, июль 1966 г.*

Часть первая.

ПРЕЛЮДИЯ ВОЙНЫ

Глава I. Гитлер у власти. Мюнхенский сговор

Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен демонстрирует текст Мюнхенского соглашения со словами: «Я привёз мир для нашего поколения!»

Последний президент Веймарской республики, престарелый фельдмаршал фон Гинденбург 30 января 1933 г. назначил 43-летнего фашистского демагога Адольфа Гитлера канцлером Германской империи. Несмотря на личную антипатию, которую Гинденбург, прусский юнкер и старый солдат, питал к этому австрийскому выскочке и авантюристу, ему пришлось-таки назначить его главой правительства, так как Гинденбурга понуждало к этому его ближайшее окруже-

ние, выражавшее замыслы и желания юнкеров и крупных промышленников. Назначению Гитлера канцлером предшествовала сложная закулисная борьба между различными кликами, добивавшимися власти в Германии, которая разгорелась после выборов в рейхстаг в ноябре 1932 г. Хотя с 1930 г. нацистская партия неуклонно набирала силы и укрепляла свои позиции, ноябрьские выборы 1932 г. явились первым признаком того, что влияние нацистов начало наконец падать. Они по-прежнему оставались крупнейшей партией в Германии, но на этот раз потеряли на выборах 2 миллиона голосов — общее число проголосовавших за них избирателей уменьшилось с 13 до 11 миллионов. Вскоре после выборов канцлер фон Пален, занимавший этот пост с середины 1932 г., был по ряду причин смещен, а на его место назначен министр обороны генерал фон Шлейхер. Но это назначение не устраивало ни нацистов, ни германские монополии. Во-первых, Шлейхер попытался расколоть нацистскую партию, оторвав от нее «фракцию Штрассера»; во-вторых, он начал заигрывать с социал-демократами и профсоюзами, что не на шутку встревожило господ — хозяев крупной промышленности; наконец, он решил немного пошантажировать юнкеров и самого Гинденбурга, используя для этого такое средство, как разоблаченный скандал по делу о «помощи Востоку» (о невозвращенных государственных субсидиях, которые были выплачены терпевшим банкротство юнкерским поместьям в Восточной Германии), — скандал, в котором был непосредственно замешан сын президента Оскар фон Гинденбург. На последнем этапе своего недолгого пребывания на посту канцлера Шлейхер, видимо, носился также с мыслью об установлении военной диктатуры.

Но из всех этих противоречивых планов Шлейхера ничего не вышло. Хотя после ноябрьских выборов нацисты довольно пессимистично смотрели на свое будущее, руку помощи подал им соперник Шлейхера Франц фон Папен, который не только был видным представителем западногерманских монополий, но и пользовался очень большим доверием лично Гинденбурга. После выборов нацисты крайне нуждались в деньгах и Папен добился у крупных капиталистов согласия восполнить их обедневшую казну. Судьба Шлейхера была решена, когда Папен и Гитлер встретились в Кёльне, в доме банкира Курта фон Шредера, который еще раньше оказывал финансовую помощь нацистам.

Итак, по инициативе Папена Гитлер был назначен канцлером. Он возглавил правительство, в котором из одиннадцати членов только трое были нацисты: сам он, канцлер, министр внутренних

дел Фрик и министр без портфеля Геринг. Папен стал вице-канцлером и в этой роли всячески убеждал Гинденбурга, что назначение Гитлера главой правительства ничего, кроме хорошего, не даст; ведь фактически он будет «пленником» консервативных министров — ставленников крупной индустрии. Но если пост Фрика был, пожалуй, чисто декоративным, то министр без портфеля Геринг был одновременно назначен министром внутренних дел Пруссии и таким образом получил в свое распоряжение прусскую полицию. А она стала очень опасным орудием в его руках.

Забываясь лишь о том, чтобы власть была распределена между нацистами и ими самими «в должной пропорции», германские консерваторы, такие, как Папен и Гутенберг (министр экономики), совершенно сбросили со счетов то психологическое воздействие, которое оказало на значительную часть немецкого народа назначение Гитлера главой правительства. Так как «посвятил» его на пост канцлера сам Гинденбург, этот не пользовавшийся хорошей репутацией и легко впадавший в истерику демагог теперь в глазах немцев стал «респектабельной» фигурой.

Уже с 1929 г. Германия переживала острый экономический кризис. Все надежды на то, что Веймарская республика сможет разрешить экономические проблемы страны (а в ней все еще насчитывалось свыше 6 миллионов безработных), окончательно испарились; ни при одном из трех правительств — Брюнинга, Папена и Плейхера — никаких серьезных экономических улучшений не произошло, а те едва заметные признаки экономического выздоровления, которые в последнее время начали появляться (и которые, кстати, и явились причиной потери нацистами голосов на ноябрьских выборах), еще не стали настолько явственными, чтобы ослабить народное недовольство в сколько-нибудь значительной степени. Назначение канцлером Гитлера возымело огромный психологический эффект. Людям казалось, что для Германии началась совершенно новая эра. Нацисты уже много лет вели свою ядовитую пропаганду, и немецкий народ в общем был уже хорошо знаком с главными темами гитлеровской «Майн кампф».

Первые три месяца 1933 г. мне случилось провести в Берлине, где я временно замещал корреспондента «Манчестер гардиан» Ф. А. Войта. Помню тот день, когда я впервые увидел Гитлера в штаб-квартире нацистов в отеле «Кайзергоф», помню выражение торжества на его лице. А вечером в тот же день я стал свидетелем массовой истерии — не только многих тысяч штурмовиков, когда они марширова-

ли в своих коричневых рубашках, с зажженными факелами, а Гитлер, выбросив руку вперед, приветствовал их с балкона, но и, пожалуй, даже еще более шумной массовой истерии сотен тысяч немцев, громкими криками приветствовавших своего «фюрера». В разговорах многих немцев, особенно из мелкой буржуазии, можно было услышать смехотворные эпитеты, вроде «величайший человек в мире» или «германский Мессия», которые, однако, произносились со всей серьезностью.

В какого рода режим выльется гитлеровское «коалиционное правительство», ждать пришлось недолго. Став прусским министром внутренних дел, Геринг создал гестапо, и короткий переходный период «нормального» правления длился при Гитлере всего какой-нибудь месяц. В конце февраля произошел поджог рейхстага и нацистский террор приобрел гигантские масштабы.

На выборах после поджога рейхстага — а проводились они в атмосфере террора и запугивания — нацисты собрали 17 миллионов голосов, но даже и эта цифра составляла еще только 44 процента общего числа избирателей. У социал-демократов все еще было свыше 7 миллионов голосов, а у коммунистов — около 5 миллионов (они потеряли 1 миллион, и это было очень немного, если учесть, что нацистский террор обрушился в первую голову на них). Вместе со своими союзниками из партии Немецкий национальный союз нацисты уже имели в рейхстаге простое большинство, но для отмены конституции требовалось большинство в две трети (Гитлер пока делал вид, что он действует в рамках конституции). Но, воспользовавшись декретом о чрезвычайном положении, который Гинденбург подписал сразу же после поджога рейхстага, Гитлер сумел обеспечить себе в рейхстаге и абсолютное большинство, просто арестовав всех депутатов-коммунистов, а также и некоторых других, главным образом социал-демократов из тех, что были более строптивы. Многие социал-демократы, еще остававшиеся в рейхстаге (а он заседал теперь в опере Кроль), пытались вначале оказывать какое-то сопротивление, но уже через два месяца, 19 мая, присоединились к нацистам, одоблив лицемерную речь Гитлера по вопросу внешней политики. Но это пресмыкательство им не помогло; их партия была разогнана, как и все другие партии, в том числе даже Немецкий национальный союз, который привел Гитлера к власти, и 14 июля национал-социалисты провозгласили себя единственной законной партией в Германии. Профсоюзы нацисты тоже прибрали к своим рукам. Меньше чем

через год «унификация» («Gleichschaltung») Германии была завершена. В самой нацистской партии оставалось еще «радикальное», «антикапиталистическое» крыло, которое возглавлял Рем, но в июне 1934 г. нацисты с обычной для них жестокостью расправились над его руководителями и оно было ликвидировано.

Как смотрел на Германию внешний мир в 1933 г.? Пожар рейхстага, последовавший за этим террор, бойкот еврейских магазинов, объявленный (1 апреля) по всей стране, — небольшое начало, которое привело потом к Освенциму и другим лагерям смерти как средству «окончательного решения» еврейского вопроса, — все это произвело тяжелое впечатление на внешний мир. Именно поэтому, дав втайне, за закрытыми дверями, самые твердые заверения офицерскому корпусу в том, что он скоро перевооружит Германию, Гитлер в то же время попытался вначале «успокоить» другие страны, демагогически предложив им полностью разоружиться, но опять выдвинув при этом принцип полного равенства Германии с другими странами. В то время его, видимо, не могла не беспокоить большая озабоченность, которую установление нацистского режима в Германии создало и на Востоке и на Западе; известно, что Пилсудский сначала предложил Франции, пока не поздно, начать превентивную войну против Германии. Возможно, что Гитлер знал об этом.

Мое собственное впечатление, которое я вынес о Германии в эти месяцы истерии непосредственно до и после пожара рейхстага, было таково, что эта объятая фанатизмом страна скоро, очень скоро вырастет в угрозу для международного мира. Хотя Гитлер вел себя вначале осторожно в отношениях с другими странами, тема о том, что Германия должна «сбросить с себя версальские кандалы», уже изо дня в день варьировалась в германской прессе; всем стало ясно, что впереди ремилитаризация Германии и пересмотр (мирным или другим путем) ее «версальских» границ. Следует отметить, разумеется, что «пересмотр» Версальского договора был начат еще до Гитлера. В 1930 г., задолго до срока, установленного договором, французские войска были эвакуированы из Рейнской зоны, а при правительствах Папена и Шлейхера Германии были сделаны особенно важные уступки. Германия фактически прекратила выплату репарационных платежей, а в пресловутой резолюции от 11 декабря 1932 г., которую Франция подписала под нажимом Англии и США, был наконец провозглашен принцип «равноправия» Германии, означавший, само собой разумеется, и военное равенство. Хотя в эту декларацию и был

включен ряд «гарантийных» пунктов, главное было в том, что принцип равенства получил в ней официальное признание, а это как раз очень помогло Гитлеру, когда, придя на смену Шлейхеру, он стал добиваться для Германии права перевооружиться. Чтобы обеспечить себе полную свободу рук, поскольку Франция и Англия стали теперь оказывать некоторое сопротивление ее политике, нацистская Германия в октябре 1933 г. покинула конференцию по разоружению в Женеве и вышла из Лиги наций. Характерно, что менее чем через год Советский Союз, наоборот, вступил в Лигу наций.

Хотя пожар рейхстага, нацистский террор, разгул антисемитизма и «легальная» отмена демократического режима в Германии создали довольно-таки тревожные настроения за границей, я нашел Францию (куда я возвратился из Германии в мае 1933 г.) в исключительно благодушном расположении духа. Несомненно, в том, что произошло, премьер Даладье видел потенциальную опасность, но он уже тогда стал подумывать об установлении личного контакта с Гитлером. Для начала он послал на свидание с ним одного из своих доверенных лиц — Фернана де Бринона (в будущем откровенного коллаборациониста и предателя). Результатом этой встречи было появившееся в «Матэн» интервью Гитлера Бринону — восторженно «пацифистское» заявление, полное заверений в самой горячей дружбе к Франции. Это интервью, опубликованное по указанию Даладье, произвело успокаивающее — если не сказать полностью дезориентирующее — воздействие на французское общественное мнение, которое до тех пор с крайним подозрением смотрело на все, что происходит в Германии.

Гитлеризм к этому времени уже пустил корни и в самой Франции. Если фашистский режим Муссолини в Италии, существовавший уже более 10 лет, не оказал большого влияния на внешний мир, то этого нельзя сказать о гитлеризме. Во Франции не только среди правых, но даже и среди «левых» начали возникать всякого рода полуфашистские или фашиствующие организации и группы. Летом 1933 г. была создана отколовшаяся от социалистической партии Блюма так называемая неосоциалистическая партия, лидеры которой Деа и Марке выбросили девиз: «Порядок, власть, нация». Еще ранее созданная группировка «Аксьон франсэз» в 1933 г. становилась все более крикливой в своей пропаганде и все более откровенно фашистской. Активизировались и другие такого же сорта организации, как, например, «Огненные кресты» полковника де ля Рока. Эти и некоторые